

С тех пор как Чэнь Су внесла правки в сценарий, второстепенная линия стала основной, и весь фильм почти целиком превратился в повседневную жизнь учителя и ученика. Даже в масштабной сцене нападения Секты Демонов она добавила ученику несколько крупных планов, где он, явно беспокоясь за Главу секты, вынужден скрывать свои чувства из-за разницы в статусе.

Более того, когда Глава секты при тренировке подвергся опасности и, выплюнув кровь, рухнул на землю, именно ученик первым бросился к нему и, не раздумывая, принялся передавать внутреннюю энергию для исцеления. В результате образ ученика, балансирующего между добром и злом, стал невероятно глубоким, почти затмив собой самого главного героя — Главу секты.

Все прекрасно понимали, почему сценарий был изменен таким образом.

Бай Цзинли не стал ходить вокруг да около, а сразу указал на проблему в репликах: — Учитель Линь, посмотрите на эту фразу. Когда ученик исцеляет Главу секты, он говорит: Учитель, вы должны беречь свое здоровье, люди в Поднебесной не могут без вас... и я тоже не могу. Почему здесь стоит многоточие?

Линь Цзиньюй объяснил: — Режиссер так задумала, чтобы показать, что ученик хочет сказать что-то приятное, чтобы втереться в доверие, но делает это неохотно.

Бай Цзинли был с этим не согласен: — Но он говорит это, придерживая своего наставника и запинаясь, это выглядит очень двусмысленно, как будто...

— Как будто что? — спросил Линь Цзиньюй, внезапно посмотрев за спину Бай Цзинли, выражение его лица слегка изменилось.

Бай Цзинли сделал вид, что ничего не заметил, и прямо ответил: — Как будто этот ученик влюблен в своего наставника.

Позади раздался насмешливый смешок, а затем молодой человек произнес: — Это и есть сценарий, который переписал режиссер Чэнь? Ты за кого меня принимаешь? За гомосексуала?

Бай Цзинли поспешно обернулся. Чэнь Су, услышав шум, подошла и с недовольством возразила: — Если реплики не подходят, мы можем это обсудить, но я не считаю, что здесь есть какая-то проблема. Пожалуйста, следите за своим тоном.

Собеседник не только не успокоился, но и презрительно покосился на Чэнь Су: — Это ты сейчас строишь из себя правильную. Если бы эту роль играл Сюэ Му, ты бы тоже так серьезно рассуждала?

Этим человеком был Фан Цзымо. Мало кто знал об отношениях Сюэ Му и Чэнь Су, но он был в

их числе.

В свое время, поступив в театральный институт, Сюэ Му присмирел: он старался заводить полезные знакомства, и вскоре к нему потянулись люди. Несколько однокурсников неплохо к нему относились, а некоторые девушки тайком писали любовные письма. Но Бай Цзинли был слишком высокого мнения о себе и просто пользовался ими.

Сначала он называл их братьями, а потом, не моргнув глазом, с помощью грязных приемов уводил у них роли.

Позже Сюэ Му узнал, что тот самый заурядный однокурсник на самом деле имел влиятельного друга детства — Фан Цзымо. Парень выбрал эту специальность только потому, что Фан Цзымо был верным товарищем и когда-то пообещал, что пока существует корпорация Фан, в этой индустрии его никто не тронет.

Кто бы мог подумать, что еще до окончания учебы Сюэ Му нанесет Фан Цзымо такой удар.

Сначала Сюэ Му опасался мести, но Фан Цзымо был за границей и не мог до него добраться. Кто же знал, что этот молодой господин недавно вернется в страну.

И теперь Фан Цзымо нагло вклинился, чтобы сыграть роль, которую Чэнь Су изначально планировала отдать Сюэ Му — роль ученика. Он не только хотел унижить Сюэ Му, но и свести счеты с Чэнь Су, которая пыталась протащить «своего» человека.

Лицо Чэнь Су побледнело. Линь Цзиньюй нахмурился и вмешался: — Цзымо, к чему ты вспоминаешь посторонних людей? Извинись перед режиссером Чэнь.

Линь Цзиньюй был главной звездой компании семьи Фан, и Фан Цзымо относился к нему с уважением. Теперь, когда тот заговорил, Фан Цзымо, хоть и не извинился, но перестал нападать и, холодно усмехнувшись, ушел.

Когда съемки завершились, Чэнь Су снова отвела Бай Цзинли в сторону и попросила его уйти из проекта. Фан Цзымо в основном нападал на нее, а Бай Цзинли, будучи в маске и очках, прятался в толпе, поэтому его не заметили. Но как только начнутся полноценные съемки, они неизбежно столкнутся.

Чэнь Су пыталась его вразумить: — Ты же видел, какой Фан Цзымо человек. Я режиссер, поэтому он осмеливается только на словесные провокации. Но не забывай, что он злится на тебя еще сильнее, а у тебя нет связей. Боюсь, ты даже не поймешь, как и когда тебя уничтожат.

Бай Цзинли ответил: — Режиссер Чэнь, вы сами принимали решение, кого выбрать на эту роль, почему теперь вините меня?

Чэнь Су была так раздосадована, что едва не лишилась дара речи: — Ты... ты действительно подходишь на эту роль, но ведь выбор был уже сделан! Если бы ты не скрыл свою личность, не переспал со мной и не шантажировал меня обнаженными фотографиями, разве я бы пошла на это? Ты просто помешался на славе!

— Мне не интересна слава, но я должен это сделать, и я должен остаться в съемочной группе,
— спокойно ответил Бай Цзинли и ушел, оставив Чэнь Су в одиночестве смотреть ему вслед.

За углом, где их никто не видел, Линь Цзиньюй тоже смотрел ему вслед с недоумением.

Он спросил Систему: — Я не ослышался? Злодей сказал, что не хочет славы? Разве он не стремился всегда превзойти Линь Цзиньюя?

Система тоже была в замешательстве: — Возможно... он просто сказал это, чтобы возразить Чэнь Су.

Линь Цзиньюй глубоко задумался: — Сплошные уловки, одни сплошные уловки.

На следующий день съемки сцен с учителем и учеником начались по графику, но молодой господин Фан просто не явился на площадку.

Чэнь Су было не до радости из-за того, что Фан Цзымо не столкнется с Бай Цзинли, — как режиссера, ее больше волновал фильм. Видя, что главный актер в гриме и все на местах, она в панике схватила телефон и закричала: — Что значит, что делать? Выломайте дверь, вынесите его... Что? Он уехал на машине? Он что, с ума сошел? Он понимает, что сегодня должны снимать его сцены!

Повесив трубку, Чэнь Су прорычала: — Я позвоню господину Фану, пусть посмотрит, можно ли вообще продолжать работу над этим фильмом.

— Пока не нужно, — Линь Цзиньюй внезапно подтянул к себе стоявшего рядом Бай Цзинли. — Сяо Сюэ может временно подменить его в двух сценах.

Бай Цзинли, услышав это, замахал руками: — Нет-нет, учитель Линь, вы шутите.

— Как это возможно, он... — Чэнь Су скользнула взглядом по лицу Бай Цзинли. Хотя она не договорила, смысл был ясен.

Разве можно показывать лицо под этой маской? Это фэнтези, а не фильм ужасов!

Линь Цзиньюй, однако, очень серьезно пролистал сценарий: — Смотрите, в начале, чтобы создать интригу, он носит вуаль, когда отчитывает адептов Секты Демонов. Потом есть

несколько общих планов, включая сцену со мной — все, где нет крупных планов, можно отснять сейчас. Крупные планы потом доснимет Цзымо. Телосложение Сяо Сюэ очень похоже на телосложение Цзымо, а его актерскую игру вы знаете, он точно справится.

Чэнь Су была в безвыходном положении. К тому же она вспомнила, что эта роль изначально предназначалась Сюэ Му. Если он сыграет ее, это будет эффективнее и качественнее, чем если бы это делал Фан Цзымо. Фан Цзымо останется только доснять несколько кадров, и давление на нее значительно снизится.

Подумав об этом, Чэнь Су кивнула: — Хорошо, но это должно остаться в тайне. Особенно для Сюэ Му, Фан Цзымо не должен узнать об этом, иначе вы понимаете, к каким неприятностям это приведет.

Линь Цзиньюй не понял: — Какие неприятности? Неужели он будет недоволен тем, что ему нашли дублера?

Чэнь Су уклончиво улыбнулась, а Бай Цзинли тихо сказал: — Не волнуйтесь.

Не волнуйтесь, я позабочусь о том, чтобы Фан Цзымо узнал.

Поскольку Линь Цзиньюй уже был в гриме, они решили по плану продолжить съемки сцены учителя и ученика.

В этой сцене наставник харкает кровью, а ученик исцеляет его. Линь Цзиньюй, бледный, с кровью на губах, обессиленно падает на землю, вокруг кружатся опавшие листья. Бай Цзинли бросается к нему, выкрикивая Учитель, и подхватывает его, прижимая к себе.

У Линь Цзиньюя на лбу выступил пот. Хотя это была просто распыленная вода, она стекала на Бай Цзинли, вызывая у того отвращение, и ему стоило огромных усилий не оттолкнуть Линь Цзиньюя.

Линь Цзиньюй уже вошел в роль и медленно произнес реплику: — С этого дня, даже если я, твой наставник, больше не смогу заботиться о тебе, ты должен сам о себе позаботиться... Понимаешь?

— Ученик понял, — ответил Бай Цзинли, продолжая диалог, и, подняв глаза, встретился с взглядом Линь Цзиньюя.

Персиковые глаза, полные тепла, окровавленные уголки губ и вид страдающего Линь Цзиньюя — все это до боли напоминало того слабого человека из прошлого мира, который закрыл его собой от пули.

Бай Цзинли на мгновение потерял связь с реальностью и бессознательно продолжил: — И все

же, прошу, Учитель, берегите свое здоровье. Люди в Поднебесной не могут без вас...

Линь Цзиньюй, казалось, был поражен этой фразой. Его ресницы дрогнули, а тепло в глазах стало еще глубже, словно оно могло согреть весь мир, и человек перед ним тоже был частью этого мира.

Бай Цзинли закрыл глаза и закончил: — ...и я тоже не могу.

В этот момент Система Линь Цзиньюй в изумлении воскликнула: — Хозяин! Уровень очернения злодея снизился на 10%!!!

Служба поддержки тоже подала голос: — Бай Цзинли, что с тобой?

Бай Цзинли погрузился в молчание.

Он вспомнил прошлый мир, как тот человек лежал в луже крови, спокойно глядя на него. После мучительной внутренней борьбы он позвонил в скорую. Когда он произнес «Алло, это 120?», взгляд того человека изменился точно так же, как сейчас.

Бай Цзинли запомнил этот взгляд на всю жизнь.

А в своем дневнике тот человек написал: «Сначала я не смел даже надеяться, но с того момента, как он бросил пистолет и позвонил в скорую, во мне родилась жадная мысль — Бай Цзинли, мой вечный возлюбленный, я буду продолжать защищать его своей жизнью... и обладать им!»

Навсегда.

Бай Цзинли со слезами на глазах прочитал этот дневник. Это слово глубоко врезалось в его сердце. Он был атеистом и не верил в воздаяние, но с тех пор мечтал, что, может быть, в следующей жизни, и в следующей... они всегда будут вместе.

А потом пришла следующая жизнь, и мечты разбились вдребезги.

Камера медленно отъехала назад, Линь Цзиньюй сохранял на лице удовлетворенную улыбку.

В то же время он мысленно выругался и спросил Систему: — Ты сломалась? С чего бы это вдруг уровень так сильно упал?

Система оправдывалась: — Правда нет, Хозяин! Все мои функции в норме, он действительно упал!

Линь Цзиньюй серьезно задумался: — Хотя Сюэ Му и мерзавец, он предан кино. Эта роль была его мечтой, а теперь он играет со мной, вот и обрадовался, поэтому уровень очернения и упал. Да, точно!

Система: — Хозяин такой умный.

Линь Цзиньюй: — Сейчас я его похвалю, может, упадет еще сильнее. Так к концу фильма уровень очернения обнулится. Я просто гений.

Когда кадр был снят, Чэнь Су крикнула «Снято!», и Линь Цзиньюй быстро встал. Бай Цзинли же остался на коленях, глаза его были полуприкрыты, а на лице смешались печаль и радость, словно он еще не вышел из образа.

Вокруг раздались аплодисменты и восторженные возгласы. Чэнь Су быстро подошла: — Снято! Это было чертовски хорошо! Сюэ Му... ты просто молодец!

Линь Цзиньюй также проявил достоинство старшего коллеги и похлопал его по плечу: — Взгляд Сяо Сюэ был очень точным, ты прекрасно передал искреннее восхищение ученика к наставнику и ненависть к нему как к заклятому врагу.

Служба поддержки напомнила Бай Цзинли: — Хотя я не понимаю, что с тобой происходит, надеюсь, ты выполнишь свой долг злодея и не будешь просто так снижать уровень очернения... Впрочем, не стоит и полностью отвергать стратегию обольщения того человека.

Зрачки Бай Цзинли на мгновение сузились, на лице появилось безразличие: — Я знаю, я буду подыгрывать.

Когда он снова поднял голову, его лицо приняло обычное выражение, и он польщенно сказал: — Спасибо режиссеру, спасибо учителю Линю, это благодаря вашим наставлениям.

Линь Цзиньюй отмахнулся: — Что вы, это все твое собственное мастерство.

Все снова начали рассыпаться в комплиментах. Чэнь Су, хотя и презирала Сюэ Му, признавала его актерский талант, поэтому пообещала, что теперь, что бы ни делал Фан Цзымо, все сцены, которые может сыграть Сюэ Му, достанутся ему.

После окончания съемок в тот день Линь Цзиньюй и Бай Цзинли уставшими вернулись в отель. Бай Цзинли хотел принести Линь Цзиньюю чай, но тот отказался: — Ты весь день был на съемках, тоже устал, давай я сам.

Бай Цзинли улыбнулся: — Как же так, ведь я получаю от вас зарплату.

Когда стакан воды оказался в руках, Линь Цзиньюй воспользовался случаем, чтобы похвалить его: — Сяо Сюэ, у тебя очень красивые глаза.

Бай Цзинли замер: в прошлой жизни тот человек говорил то же самое.

На самом деле глаза Бай Цзинли действительно заслуживали этой похвалы.

В отличие от нежных персиковых глаз того человека, его глаза были узкими и длинными, с приподнятыми уголками, а зрачки сияли, как звезды. Такая форма глаз сама по себе казалась холодной, но стоило им смягчиться, как лед таял, обнажая редкую чистоту и прозрачность.

Тот человек в такие моменты любил целовать его в уголки глаз и нагло приговаривать: «Дорогой, от твоего взгляда я возбуждаюсь».

Результатом, конечно, был презрительный взгляд Бай Цзинли.

Неужели сейчас, говоря это устами Линь Цзиньюя, он на что-то намекает?

Бай Цзинли осторожно прошептал: — Учитель Линь, я не понимаю, что вы имеете в виду.

Линь Цзиньюй тут же продолжил хвалить: — Твои глаза очень выразительны, у них огромный потенциал. Не волнуйся, в будущем я буду бороться за то, чтобы ты получал еще больше подходящих ролей.

— Тогда спасибо вам, учитель Линь, — поблагодарил Бай Цзинли и разочарованно ушел.

Линь Цзиньюй смотрел ему вслед и ворчал: уровень очернения даже не шелохнулся, видимо, похвала была недостаточно сильной.

На следующих съемках Линь Цзиньюй старался изо всех сил, при каждом удобном случае расхваливая Бай Цзинли, но тот оставался холодным, и уровень очернения стабильно держался на пике.

Служба поддержки тоже занервничала, предупредив, что если так пойдет и дальше, его снова накроет откат уровня очернения, и он снова погрузится в мучения.

Служба поддержки сказала: — Если ты действительно не можешь поддаться его влиянию, просто твори зло, чтобы выпустить пар.

Бай Цзинли тоже был в замешательстве: ведь этот человек, как и он сам, был вынужден играть. В конце концов... он не хотел верить, что такие глубокие чувства, такие реальные мелочи были

лишь притворством.

Пока он не выяснит истинные чувства этого человека, он не мог ни слепо доверять словам Службы поддержки, ни желать быть дураком, которого обводят вокруг пальца. Он разрывался.

В тот день, как только съемки закончились, откат уровня очернения настиг его точно по расписанию.

Он собирался идти снимать грим, когда в груди внезапно что-то дрогнуло. Бушующая ярость, которая тлела последние дни, наконец вырвалась наружу. Вокруг было полно людей, он изо всех сил сдерживал желание крушить все вокруг и быстро побежал к своей гримерке.

Он врезался в кого-то, и из-за сильного толчка человек отступил на несколько шагов, а Бай Цзинли, у которого кружилась голова, упал на пол. Тот человек злобно пнул его: — Глаза разуй, урод!

Этот голос показался ему знакомым.

Бай Цзинли подумал, что дело плохо, и попытался встать, но человек схватил его и потянул обратно: — А этот образ мне знаком. Неудивительно, что я столько дней развлекался, а эта женщина Чэнь Су даже не нервничала. Оказывается, нашла дублера?

За спиной того человека стоял еще один, который тут же добавил: — Смотри, какой худой, наверное, дублер по дракам. Господин Фан, у вас так много сцен, конечно, нужно несколько дублеров.

Это был Фан Цзымо. Он вернулся именно сейчас, да еще и привел с собой другого врага Сюэ Му.

Бай Цзинли неопределенно кивнул, мечтая просто уйти, но Фан Цзымо не собирался его отпускать. Он одним движением сорвал с него очки и маску, а затем удивленно воскликнул и позвал того человека: — Эй, иди посмотри, кто это.

— Сюэ Му! — человек подошел с недобрый выражением лица. — Мало того, что ты увел у меня роль, используя свое смазливое личико, так ты еще и в таком виде умудрился играть в фильме господина Фана. Чэнь Су действительно к тебе добра.

Это был тот самый однокурсник, у которого Сюэ Му увел роль. После поступления Сюэ Му терся возле него, выпрашивая еду и напитки, как верный пес, а как только подцепил Чэнь Су, сразу отвернулся. Такого контраста никто не мог принять. Однокурсник всегда хотел избить Сюэ Му, но перед окончанием учебы тот засел на съемках и больше не возвращался в институт. Каждый раз, когда он видел, как Сюэ Му получает награды за ту роль, он скрежетал зубами от ненависти.

Фан Цзымо сжал лицо Сюэ Му: — Хочешь сниматься? Хочешь славы? Ладно, я скажу Чэнь Су, что ты можешь продолжать играть, но в титрах твоего имени не будет.

Однокурсник, отомстив, усмехнулся: — Отличная идея, господин Фан, я обеими руками за.

Сердце Бай Цзинли бешено колотилось. Не в силах сдержать злобу, он нанес удар. Фан Цзымо ловко увернулся, а однокурсник, который как раз подвернулся под руку, получил удар прямо в челюсть. Он вскрикнул от боли, схватившись за щеку: — Господин Фан, посмотрите...

Фан Цзымо холодно усмехнулся и ударом ноги повалил Бай Цзинли на землю: — Какой прыткий! Бейте его!

Затем они вдвоем затащили Бай Цзинли в подсобку, закрыли дверь и начали избивать его. Фан Цзымо при этом кричал, чтобы не били по лицу — он еще нужен был ему в качестве дублера.

В прошлой жизни Бай Цзинли вышел из криминального мира, он повидал немало пуль и дубинок, поэтому эта боль была для него ничем. Но его охватило чувство унижения: его избивают два напудренных мальчишки, а он даже не может дать сдачи, потому что откат уровня очернения лишил его сил.

Они выместили злобу и ушли, не забыв запереть дверь подсобки.

В глазах Бай Цзинли пылал красный огонь. Глядя на закрытую дверь, он чувствовал лишь одно — желание убивать.

Служба поддержки поспешно сказала: — Твоя задача в этом мире — опозорить главного героя, а не убивать его! Пожалуйста, не делай глупостей.

Бай Цзинли снова повалился на пол. Все тело болело, но чувство, будто внутренности сгорают в огне, было куда мучительнее.

Служба поддержки добавила: — Потерпи еще немного, скоро придет Линь Цзиньюй...

Бай Цзинли, находясь в полузабытьи, слышал только имя Линь Цзиньюй и потерял сознание.

Вскоре Линь Цзиньюй выбил дверь.

Сняв грим, он долго ждал у входа, но так и не увидел Бай Цзинли, зато заметил, как Фан Цзымо и какой-то молодой человек, весело болтая, выходят из павильона. Он догнал их и начал расспрашивать, и Фан Цзымо неопределенно махнул рукой в сторону коридора.

Комнат было много, и Линь Цзиньюй заставил Систему взломать камеры одну за другой. Вскоре он нашел местоположение Бай Цзинли. Но чтобы все выглядело правдоподобно, он с озабоченным видом выбивал дверь за дверью, и теперь у него даже плечо ныло.

Бай Цзинли свернулся калачиком в углу, заваленном хламом. Поскольку нижняя часть его лица была в тени, Линь Цзиньюй видел только его нахмуренные брови, на которых отчетливо выделялось маленькое темно-красное родимое пятно.

Линь Цзиньюй вздохнул про себя: — Как же жалко он выглядит. Если бы он не был обезображен, я бы даже воспользовался моментом.

Система: — ...

Она ничего не понимала, совершенно ничего.

На следующий день Бай Цзинли открыл глаза. Комната была залита ярким солнечным светом, Линь Цзиньюй стоял у двери и улыбался ему: — Ты проснулся?

В прошлом мире тот человек любил изматывать его в постели, а на следующий день, если он спал долго, тот вставал раньше, готовил еду и ждал, пока он проснется, чтобы поесть вместе. Тогда по утрам, открывая глаза, он видел ту же картину: солнечный свет, заливающий комнату, и мужчину, нежно смотрящего на него от дверей.

Точно как сейчас.

Бай Цзинли на мгновение растерялся и выпалил: — Еда готова?

Раздался голос Службы поддержки: — Бай Цзинли, твой уровень очернения снизился на 10%.

Система Линь Цзиньюя в тот же момент выдала аналогичное уведомление.

Не дожидаясь, пока он заговорит, Система сама сказала: — Хозяин, я не сломалась!

<http://bllate.org/book/19862/1955201>